

В.А. Коршунков

**Дорожная
традиция России
поверья, обычаи, обряды**

Владимир Коршунков

**Дорожная традиция России.
Поверья, обычаи, обряды**

«Неолит»

2015

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Коршунков В. А.

Дорожная традиция России. Поверья, обычаи, обряды /
В. А. Коршунков — «Неолит», 2015

ISBN 978-5-00091-095-5

В книге исследуются дорожные обычаи и обряды, поверья и обереги, связанные с мифологическими представлениями русских и других народов России, особенности перемещений по дорогам России XVIII – начала XX в. Привлекаются малоизвестные этнографические, фольклорные, исторические, литературно-публицистические и мемуарные источники, которые рассмотрены в историко-бытовом и культурно-антропологическом аспектах. Книга адресована специалистам и студентам гуманитарных факультетов высших учебных заведений и всем, кто интересуется историей повседневности и традиционной культурой народов России.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00091-095-5

© Коршунков В. А., 2015
© Неолит, 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1. Чары и козни дороги	11
На «тот свет»	11
Нечеловеческие тропы	17
Дорожные грёзы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Коршунков
Дорожная традиция России.
Поверья, обычаи, обряды

© Коршунков В. А., 2015

© Издательство «ФОРУМ», 2015

Введение

Иногда перед ними расстилались пространные степи и ковыльные земли, на которых не было и следа дороги.

– А где же Посольский тракт? – спрашивали немцы ямщиков.

– А вот он самый, – указывали на круглое пространство ямицики.

– А сего незаметно! – восклицали немцы, взглядываясь в грунт.

– Так тракт одно направление, а трамбовки тут быть не должно!

Он до самой Казани такой – всё едино! – поясняли, поелику возможно, ямицики иноземцам.

Андрей Платонов. «Епифанские шлюзы»

Впрочем, нас заверяли, как всегда заверяют в России, что дорога превосходна.

Александр Дюма. «Путевые впечатления. В России»

Россия – страна дорог, ямщиков, станционных смотрителей. Издавна звучат сетования, что «теперь у нас дороги плохи»... Именно преодолеваемые пространства, средства связи, пути сообщения во многом определяли характер огромной страны и особенности её жизнеустройства. Обстоятельства дорожных перемещений в России заслуживают самого серьёзного изучения.

Это и погодно-климатические условия, и состояние дорог, и подстерегавшие пеших да конных путников разнообразные опасности, и стереотипы поведения людей в пути, дорожные привычки и обычаи, а также возникавшие на дорогах конфликты.

Все эти условия, обстоятельства и ситуации, сопутствующие сухопутному путешествию, определявшие его ход и исход, можно назвать *дорожной традицией*. Разумеется, в традицию входят не только более или менее рационально организуемые аспекты путешествия, но также разнообразные мифологические, обрядовые, фольклорные, эмоционально-психологические нюансы поведения человека в дороге, его реакции на происходящее, которые, в свою очередь, обусловлены коллективным мировосприятием.

Дорожная традиция должна рассматриваться в широком её понимании, в совокупности как бытовых, так и культурных, обрядовых ситуаций и обстоятельств. Однако для этой книги выбраны лишь такие аспекты, которые относятся скорее не к рационально-бытовой сфере, а к эмоционально-психологической, мифологической, обрядовой и фольклорной.

Значительная часть использованных материалов – из XIX в., а кое-что – из XVIII и из начала XX в. Интересующий нас здесь модус жизни – это именно традиция, историко-этнографическая реальность, смыкающаяся с важной для исторической науки бытовой повседневностью. Дороги сухопутные, но не железные и ещё не асфальтовые; средства передвижения – те, что на конной тяге; путник – преимущественно человек из народной гущи: крестьянин и купец, ямщик и сельский батюшка, паломник и разбойник.

В центре внимания – русский народ. Однако для сравнения и уточнения привлекаются материалы, относящиеся и к некоторым другим народам России, поскольку эта область традиционной культуры является весьма сходной у различных, живших на просторах Евразии, этносов. Потому-то речь идёт не только о русской дорожной традиции, но и несколько шире – о российской.

Изучение этих сторон повседневной жизни позволит точнее определить особенности социально-психологического склада русских людей и оценить степень присутствующей в их мировосприятии и в их поведении архаики.

Предлагаемая работа основана на разнообразных выявленных источниках – этнографических, фольклорных, исторических. Особое значение имеет русская публицистика, мемуарная литература и даже беллетристика. В XVIII – начале XX в. многие литераторы, причём не обязательно первого ряда, публиковали очерки, повести, романы, стихотворные произведения, в которых дорожная тематика занимала видное место, нередко – сюжетообразующее. Во всяком случае, немало ярких чёрточек былой дорожной повседневности запечатлелось именно в таких, порой безыскусных, текстах. Поскольку дорожная повседневность не представляла для тогдашних авторов никакой загадки, то сделанные мимоходом зарисовки, описания, упоминания бывают точны и достаточно объективны. Тенденциозность может проявляться при попытке сравнить и оценить: скажем, тут дорога – само совершенство; за границей дороги не лучше наших; дороги-то русские плохи, зато мужички хороши; дороги дурны – вот и всё прочее у нас так же и т. п.

А ещё эти свидетельства – живые, образные, яркие. Они сами по себе заслуживают внимания и уважения. В конце концов, не дорога как таковая нам интересна, а человек на ней.

Все эти источники изучались в историко-бытовом и культурно-антропологическом аспектах для выявления сущностных характеристик того устойчивого уклада российской жизни нескольких последних столетий, когда лошади бывали резвыми, пути долгими, а пешеходы, подобно сказочным героям, и впрямь стаптывали не одну пару лаптей, чтобы добраться, скажем, до «Соловецких угодников».

Воздействие просторов и расстояний на образ жизни и способ мировосприятия русских людей давно уже обращало на себя внимание историков, философов, этнографов, а также литераторов. Эта тематика в России описывалась и исследовалась многими учёными, публицистами, краеведами. Так, в широко известном историческом журнале «Родина» опубликованы статьи о дорогах, ямщиках, фельдъегерях¹. Заглавной темой недавнего номера журнала «Знание – сила» стало «обитаемое пространство с человеческим лицом», то есть гуманитарные аспекты географии². Один из номеров провинциального краеведческого издания – «Костромской старины» – целиком был посвящён дорожной тематике³. Имеется и более десятка напечатанных в недавнее время в разных городах страны и ближнего зарубежья книг о дорожном строительстве (нередко их издание стимулируется соответствующими ведомственными организациями). Основное внимание в них уделяется советскому периоду. Пишутся они обычно журналистами или же самими дорожниками, реже – историками. Научное качество этих изданий не слишком велико, хотя, разумеется, некоторые приводимые в них факты, использованные архивные документы заслуживают внимания.

Примечательно, что многие такие работы выходят в провинциальных городах, и в них рассказывается о провинции. Действительно, дорога – она пролегает через провинцию. Немало поездивший по Руси поэт П. А. Вяземский в стихотворении «Русские просёлки» (1841) писал о неких богатых столичных «счастливых»: «...Россию знаете по Невскому проспекту...» – и восклицал: «Нет, вызвал бы я вас на русские просёлки, // Чтоб о людском житье прочистить ваши толки. // Тут мир бы вы другой увидели! Что шаг – // То яма, косогор, болото иль овраг»⁴. Недаром говорят, что там, где кончается асфальт, начинается Россия. Потому и здесь большое внимание будет уделено краеведческим, местным материалам.

Несмотря на сотни публикаций, в которых затрагивается дорожная тематика, она всё же столь обширна, а её аспекты до того разнообразны, что выявить их, определить значимость, суммировать и обобщить – это уже задача существенная сама по себе.

---

¹ Родина. 2001. № 12.

² Знание – сила. 2014. № 1.

³ Костромская старина: историко-краеведческий журнал. Кострома: Гос. архив Костром. обл., 1997. № 9.

⁴ Вяземский П. А. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 272, 273.

Особенно важны работы Т. Б. Щепанской о русской народной дорожной традиции. И прежде всего – вышедшая в 2003 г. монография «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.». Щепанская подробно анализировала социорегулирующую роль «дорожной культуры» в традиционной народной жизни. Она исходила из идеи о том, что «дом» представлялся обжитым и мифологически безопасным пространством, которое ассоциировалось с женско-материнской сферой. Он был противопоставлен «дороге» – миру внешнему и угрожающему, помеченному знаками небытия, смерти, опасности. Привычные, «домашние» нормы поведения в дороге не действовали. Там вырабатывались иные правила, регулировавшие поведение людей и определявшие их статусы. Взаимодействия и взаимовлияния именно так понятых «дома» и «дороги» составляют предмет интереса для Щепанской. Её монография – яркая, цельная, строго и точно выстроенная⁵.

Тематика же предлагаемой книги несколько шире: в ней разбирается и то, что не относится к собственно этнографии и к социологии. Зато уже можно не исследовать подробно такие аспекты дорожной тематики, которые у Щепанской даны обстоятельно и аналитично. Но это не означает согласия со всеми, в том числе частными, наблюдениями и выводами.

М. Л. Лурье, рецензировавший книгу Щепанской, отмечал: в её изложении выходит так, что многие явления традиционной культуры, самые разные обстоятельства, ситуации, обряды, обычаи – все они тяготеют к дороге. «Таким образом, вектор интерпретации, подобно стрелке компаса, при любом повороте указывает в сторону дорожной сферы, а основной комплекс конституирующих культурных оппозиций – таких, например, как своё-чужое, человек-нечеловек – стягивается на ось противопоставления дома-дороги, в результате чего последнее приобретает статус базовой дихотомии всей традиционной культуры»⁶. Действительно, в книге Щепанской заметна эта особенность, определяемая самим исследовательским подходом, который принят автором. Но, в общем-то, так в повседневной жизни традиционного общества и было. Иначе говоря, это в самом деле базовый концепт и традиции, и культуры вообще. Традиционную культуру вполне можно рассматривать в этом аспекте, внутренне ей присущем.

Актуальность дорожной тематики (прежде всего, изучаемой с точки зрения этнографической и антропологической) проявляется хотя бы в том, что в недавнее время к ней стали обращаться, независимо друг от друга, самые разные учёные. Кроме широко известной монографии Щепанской, напечатано ещё три книги⁷. Есть и иные авторы, которые тоже за последние годы опубликовали статьи по этой тематике⁸. Предлагаемая же работа, не связанная определёнными региональными рамками и привлекающая многочисленные источники (в том числе беллетристические), могла бы дополнить и уточнить выводы этнографов, антропологов, историков.

Здесь будут прослежены, во-первых, архаические мифологемы об опасных путях во внешний мир, «в неведомое», в «потусторонние» области; связанные в этом представления о путях и тропах «иномирных» существ; дорожные «дремоты», наваждения и мороки; мифологически опасные места на дорогах (на примере придорожных крестов); и наконец, будут приведены примеры быличек о наваждениях и дорожных происшествиях. Во-вторых, речь пой-

---

⁵ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.

⁶ Лурье М. Л. Дорога без обочин // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 334–335.

⁷ Головнёв А. В. Антропология движения: (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН, 2009; Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья: (XIX – первая треть XX в.). Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010; Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Мол. гвардия, 2010.

⁸ См., например: Randolph J. W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // *Journal of Early Modern History*. 2007. Vol. 11. № 1–2. P. 33–61; Шифрин Б. Ф. «Бездорожье» как русский культурный феномен // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 172–176 (правда, этот загадочный текст, написанный кандидатом физико-математических наук, – безжалостное к читателю технократическое умничанье, вовсе обходящееся без какой-либо конкретики).

дёт о мерах предосторожности, которые необходимы в пути (это напутствия и приветствия, молебны и благословения, обереги и православные «святости»); кроме того, будут обозначены те персонажи христианской мифологии, к которым путешествовавшие обычно обращались за защитой. В-третьих, придётся рассмотреть некоторые из важнейших дорожных обрядов и обычаев: нарочитый переход дороги перед идущим или едущим, «перерубание» дороги, широко известный и поныне обычай присаживаться перед отправлением в путь; а также «вестников несчастья» на дороге (прежде всего, кошку и зайца). В-четвёртых, будут отмечены некоторые из обычных тогда дорожных невзгод и трудностей; обрядово-этикетные аспекты поведения людей, когда кто-то из их близких был в дальнем пути; особенности поведения, которые были свойственны странникам-паломникам, ходившим по святым местам. В-пятых, будут охарактеризованы представления о «последнем пути» покойного, с разнообразными магическими предосторожностями, которые предпринимались его близкими на этом пути.

Не все тематически близкие сюжеты удастся здесь обсудить. Оставлен на обочине свод материалов о свадебных передвижениях (который заслуживает целой монографии), а также примыкающие к нему поверья о «свадьбах» леших и другой обитавшей во внешнем пространстве «нечисти». И главное: для целостной характеристики дорожной традиции нужно было бы привлечь сведения не только о её эмоционально-психологических, мифологических, обрядовых аспектах, но также об условиях, обстоятельствах и бытовой стороне дорожной повседневности. Сюда всё это не вошло, так что тут затрагивается лишь кое-что из обширной и многоплановой дорожной традиции.

Значение дороги было столь велико и в повседневности, и в обрядово-мифологической сфере, что издревле у многих народов дороге уподобляли человеческую жизнь и судьбу. Эта метафора слишком известна, она хорошо изучена. Я не стремился также непременно учитывать философско-культурологические толкования концепта «дорога».

И ещё я постарался ни разу не использовать то суждение (неведомо кем впервые высказанное, донельзя заигранное и оттого ставшее банальным и пошловатым), которое сопрягает в единой формуле разноплановые наши недостатки⁹.

...Рассказ русского писателя Сергея Залыгина «Санний путь» (1972) строится вокруг воспоминаний героя о разных давних его поездках в санях по зимним дорогам. И в финале говорится: а с тех пор и до конца жизни он уже в санях не будет ездить, он станет добираться всяким другим транспортом, вот и дети его уже не узнают никогда, что же это было такое – долгий зимний санний путь¹⁰.

Традиционный дорожный уклад ныне почти совсем исчез. Теперь другие расстояния и скорости, другие виды транспорта и дорожные опасности. Изменились и люди – у новых поколений иные отношения с пространством и временем. Однако дороги по-прежнему очень важны и для общества в целом, и в жизни (а то и смерти) индивидуума. Скажем, из анализа изображений и текстов на современных надгробиях становится ясно, что дорога всё ещё ассоциируется с риском, как и военная служба: «Насколько можно судить по памятникам, в сознании

---

⁹ Из последних по времени мнений об этом высказывании ср. реплику В. А. Кошелева, который предположил, что оно (если не по форме, то по смыслу) может восходить к А. С. Пушкину, который «воспринимал эти беды “неразъединённо”» (Кошелев В. А. «Авось, дороги нам исправят...»: о семантике «десятой главы» «Евгения Онегина» // Русская литература. 2011. № 2. С. 113–114). Видимо, разгадка сделана К. В. Душенко, согласно наблюдениям которого (несколько неожиданным), слова эти именно в такой форме принадлежат модному писателю М. Н. Задорнову, часто выступавшему со своими монологами на эстраде. В конце 1980-х гг. он с успехом читал монолог «Страна героев» (напечатанный в 1989 г.). Там Задорнов ссылался на Н. В. Гоголя. Однако Гоголь такого не писал, ссылка же была нужна подцензурному советскому сатирику в качестве охранной грамоты, чтобы придать этой мысли авторитетность (Душенко Константин. Дураки и дороги // Читаем вместе: навигатор в мире книг. 2013. № 6. С. 37).

¹⁰ Залыгин С. П. Санний путь: рассказ // Залыгин С. П. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 595–606.

современного россиянина выделяются две зоны повышенной экстремальности – война (военная служба) и дорога»¹¹.

Пространство по-прежнему имеет над человеком столь же значительную власть, как и время. Перемещаясь в пространстве, осваивая и присваивая его, мы изменяемся сами и меняем окружающие нас обстоятельства. Интересно и поучительно узнавать, как это происходило с нашими предками. Итак, если удастся хотя бы предварительно выявить и очертить некоторые аспекты оставшейся в прошлом российской дорожной традиции, определить её составляющие, уточнить уже сделанные учёными наблюдения и выводы, то и это было бы неплохо.

---

¹¹ Громов Д. В. «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках // ЖС. 2010. № 1. С. 30–33.

Глава 1. Чары и козни дороги

*Что ж, – поскучив, равнодушно сказал прохожий, – почему бы на
чёртовой моей дороге, раз на ней случается всё, не произойти и такому.
Асар Эппель. «Чужой тогда в пейзаже»*

На «тот свет»

Каждому человеку и всем людским коллективам присущ подсознательный страх перед иным, новым пространством. Там, в другом мире, человек ни в чём не может быть уверен. Там он лишён спокойного самоощущения, которое было ему свойственно в прежнем его жителстве. Возможно, этот страх – явление физиологическое, которое восходит к сильнейшим впечатлениям, связанным с процессом рождения, когда младенца вытягивало из обжитой, уютной утробы наружу, в холодное и пустое пространство¹².

В архаическом мировосприятии народа обжитые, мифологически безопасные места противопоставлялись внешним, чужим и чуждым, землям. В этот неверный, страшноватый мир и вела дорога.

Во внешнем мире запросто можно было встретить демонических существ, ведь дорога – это «мифологически “нечистое” место»¹³. В народном сознании прошлых времён «тема дороги неотделима от области смерти»¹⁴. Т. Б. Щепанская даже писала о своего рода некротопонимации: «Дороги традиционно маркируются знаками смерти». Так было и в древности, так и сейчас. Ныне это, к примеру, кенотафы и памятные знаки на обочине дороги или даже городской улицы – на месте чьей-либо гибели¹⁵. У французов есть пословица: «Уехать – это как бы немного умереть» (*Partir, c'est mourir un peu*)¹⁶. Конечно, это говорится о разрыве отношений. Но вот как рассуждал об этом французский философ Г. Башляр: «Смерть есть путешествие, а путешествие – смерть. “Уйти значит немножечко умереть”. Умереть же означает поистине уйти, а уйти как следует, смело, окончательно нельзя иначе, как отправившись по течению, как вручив себя потоку большой реки. Все реки впадают в Реку мёртвых. Только такая смерть встречается в сказках. Только такой уход бывает приключением»¹⁷.

¹² Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: сб. ст. / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 248–251.

¹³ Левкиевская Е. Е. Дорога // СД-2. С. 124.

¹⁴ Невская Л. Г. Семантика *дороги* и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 230. См. также: Её же. Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры. М.: Наука, 1993. С. 59.

¹⁵ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. С. 40–43. См. об этом: Громов Д. В. «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках // ЖС. 2010. № 1. С. 32–33; Майоров М. В. *Некротопоним* как новый термин в ономастике // РР. 2010. № 4. С. 91, 92; Адоньева С. Символический порядок. СПб.: Пропповский центр: Амфора; ТИД Амфора, 2011. С. 112–113; Соколова А. Д. Памятные знаки на местах автомобильных аварий: культурная инновация или новая форма для реализации традиционных представлений в современных условиях? // Мифологии «живые» и книжные: программа и материалы [XI Международная школа по фольклористике и культурной антропологии. Москва – Переславль Залесский. 29 окт. – 6 нояб. 2011 г.] / сост. А. С. Архипова, Н. В. Коптев, С. Ю. Неклюдов. М.: Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ, 2011. С. 26–30; Соколова А. Д., Юдкина А. Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // ЭО. 2013. № 2. С. 150–164.

¹⁶ См.: Элиаде М. Мифологии смерти: введение // Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2002. С. 76.

¹⁷ Башляр Г. Вода и грёзы: опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1998. С. 112. Это из главы «Комплекс Харона. Комплекс Офелии».

Согласно наблюдениям украинского исследователя М. М. Красикова, в традиционной культуре украинцев дорога осмыслялась «как зона повышенной (а то и предельной) опасности», как «место смерти». По его мнению, даже поверье, что дом нельзя строить на том месте, где прежде проходила дорога (мол, люди в нём не будут «задерживаться», а станут «проходить», то есть умирать), связано с таким восприятием дороги¹⁸.

У многих народов человек, умерший в пути (и не подвергшийся всем должным погребально-поминальным обрядам), считался покойником зловредным – наряду с такими категориями покойных, как самоубийцы, некрещёные дети и т. п.¹⁹ Красиков отмечал, что излюбленным сюжетом украинских народных песен о казаках и торговцах-чумаках – этих, так сказать, «профессиональных странниках» – является смерть в пути: «Что характерно – такая гибель отнюдь не воспринимается (в т. ч. самим лирическим героем) как случайность. Где же и умирать страннику, как не в пути?»²⁰ Однако при этом надо заметить, что, судя по русскому и украинскому песенному фольклору, умирающий на чужбине, в дороге ямщик, казак, солдат или иной «профессиональный странник» бывает весьма озабочен тем, чтобы его товарищи исполнили всё, как полагается – и родных известили, и из его вещей что-нибудь взяли бы себе, а что-то передали бы жене и сыновьям, и похоронили его под ракитовым кустом, под дубом, на кургане, под горою. Всё же неуютно помирать в чужом пространстве.

«Вечной странницей» представлялась очень популярная в народном православии святая Параскева-Пятница. А ей в её блужданиях часто сопутствовала Смерть, и вообще она имела отношение к «иному миру» и смерти²¹. Образ Параскевы-Пятницы схож мифологизированным олицетворением Масленицы. Масленица также приезжала к людям издалека «погостить», её встречали-угощали, а после «проводжали» (сжигали, топили, растерзывали). Причём она явно была гостьей опасной, воплощавшей холод, зиму, смерть. Интересно и закрепившееся в народной речи (а оттуда перешедшее в литературный обиход) выражение «выехать в Ростов», то есть умереть. Этот фразеологизм основан на представлении о том, что Масленица, дескать, уезжала от провожавших её в день Прощёного воскресенья людей в Ростов Великий на тамошнюю ярмарку²².

И вообще, в архаическом народном мировосприятии наступление какого-либо значимого календарного рубежа (праздника, поста) обычно оформлялось в системе пространственных координат. Календарный срок мыслился как перемещение: приезд, гостевание, отъезд. При этом олицетворение календарной даты могло быть антропоморфным (и чучело, и исполнявший обрядовую роль человек) или подразумеваемым (реализуемым на уровне акциональном и вербальном – в присловьях, поверьях, приметах, поговорках, обрядовых действиях вроде «кормления предков»). Либо же оно воплощалось в демонических существах, которые появлялись и активизировались на определённый промежуток времени (ведьмы и колдуны, русалки, вредоносные святочные духи). Изучение пространственного кода календарных обрядов позволяет увидеть общие ментальные и ритуальные основания внешне не слишком похожих друг на друга календарно-праздничных ситуаций. Такой угол зрения высвечивает важное, даже основополагающее значение представлений о пространственных перемещениях при оформлении мифологизированной картины мира.

¹⁸ Красиков М. М. Мотив дороги в традиционной народной культуре украинцев // Культурное пространство путешествий: материалы науч. форума. 8–10 апр. 2003 г. / ред. – сост. Е. Э. Сулова. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 68.

¹⁹ Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Восточная лит., 1999. С. 146.

²⁰ Красиков М. М. Указ. соч. С. 68.

²¹ Максимов С. В. Крылатые слова. М.: ГИХЛ, 1955. С. 76–78; Русский демонологический словарь / авт. – сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. С. 475–476; Амосова С. Н. Народные представления о Мокоши и св. Параскеве-Пятнице как покровительницах «иного мира» // Актуальные проблемы истории: сб. ст. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров: ВятГПУ, 2000. С. 87–90.

²² Коршунков В. А. Почему Масленица в Ростов ездил? // РР. 1998. № 4. С. 97–102.

Иногда даже пишут, что путь был «никаким локусом», «миром небытия»²³. Такое, конечно, в известном смысле крайность. Всё же это не совсем «мир небытия» – бытие там, в пути, имеется, и очень даже насыщенное. Дорожные опасности – мифологически осмысляемые, да и вполне реальные – повышают жизненный накал. И уж точно это не провал в пространстве: дорожный «локус» – он вполне себе «какой». Но заострить таким образом мысль об изначальной иномирности пути, о вывороченности дорожной ситуации по отношению к обыденной, домашней, – имеет смысл.

Характерно поверье: «Если больной бредит дорогой (о дороге, о конях), то умрёт»²⁴. Конь, между прочим, в древности был главным животным на похоронах, с его помощью добивались до «того света», он вообще считался «нечистым» животным и имел отношение к потустороннему миру²⁵. Известно, что поначалу в военном деле на Руси кони почти не использовались – преобладал пеший строй, как и у скандинавов. А. Е. Мусин, исследовавший воинскую культуру Древней Руси, даже высказывал предположение, что слишком медленная адаптация коня на Руси может быть связана с «неоднозначным», как он писал, отношением к этому животному. Имеется в виду, что конь был жертвенным животным. Археологи часто обнаруживают, что черепа молодых коней применялись в качестве строительной жертвы. Конь бывал смертоносен – это явствует хотя бы из легенды о смерти князя Олега. Конь перевозил на «тот свет». Вот и в погребениях он – жертвенное животное. Причём характер погребальных комплексов с конским снаряжением парадно-сакральный, а не повседневный. В летописном рассказе о загадочных событиях 1092 г. в Полоцке, когда «навье» (то есть мертвецы), скача на конях по улицам, «побивало» полочан, эти мёртвые наездники явно воспринимались как всадники Апокалипсиса. Тем более что в 1092 г. на Руси примечали очередное рубежное приближение даты конца света, приходившейся, согласно средневековым представлениям, на 1492 г. Мусин заключал: «Возможно, что именно этот эсхатологический аспект восприятия коня на Руси и тормозил адаптацию его в местной культуре». По его версии, только к XII в., наконец, стали привыкать к коню как к доброму другу и помощнику. Но нашествие конных воинов монголо-татар воскресило апокалипсические ассоциации²⁶.

Сани в древности тоже применялись в погребальном обряде – не только зимой, но и летом: на них волокли тело покойника к месту захоронения. Этот вопрос исследовал ещё А. Н. Анучин²⁷. Позднее и Д. К. Зеленин указывал: сани избирали для этого, по-видимому, потому, что они были древнейшим типом повозки²⁸. В. Я. Петрухин писал: «Использование С[аней] в ритуальных процессиях, совершавшихся в разные сезоны, связано как с традиционностью самого транспортного средства, так и с состоянием дорог средневековой Руси...» А применение саней в обрядах плодородия и обновления природы, по его мнению, соотносимо с распро-

²³ Страхов А. Б. О пространственном аспекте славянской концепции небытия // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: тез. и предварит. материалы к симпозиуму / редкол.: Вяч. Вс. Иванов [и др.]. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. Ч. 1. С. 92–94.

²⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 2. С. 155; см. также: 1956. Т. 1. С. 473.

²⁵ Петрухин В. Я. Конь // СД-2. С. 590–594. О дороге и о коне в связи с похоронами см. также: Чистяков В. А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В. К. Соколова. М.: Наука, 1982. С. 118–119. Специалист по мордовскому фольклору А. И. Маскаев счёл нужным заметить: П. Г. Богатырёв в беседе с ним высказал мнение, что, по старинным славянским представлениям, лошадь считалась поганым животным (Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. С. 258).

²⁶ Мусин А. Е. *Milites Christi*: воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 187–191.

²⁷ Анучин Д. Н. Сани, ладыя и кони как принадлежность похоронного обряда: археолого-этнографическое исследование. М.: Тип. О. О. Гербек, 1890. С. 1–71. См. также: Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. С. 84–87.

²⁸ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 350.

странёнными обычаями волочить что-либо по земле, чтобы перенять её плодородие²⁹. Вообще заметно, что при погребальных обрядах и используемые предметы, и сами обрядовые действия обычно бывают упрощённого, архаического типа³⁰. Сани – именно такой, старинный и традиционный атрибут.

К обычаю везти тело для погребения на санях восходит древнерусский фразеологический оборот, который встречается в «Поучении» Владимира Мономаха (1117), – «сидя на санях», то есть на старости лет, в преклонном возрасте, одной ногой в могиле. Возможно, что этим же объясняется и выражение «с копыльев (копылов) долой». Копыл – это опора в виде бруска, соединяющая полозья саней с верхней их частью. Когда сани срываются с копыльев, то это значит, что они развалились. Но ещё так, с копыльев долой, несут и тело покойного, когда его довели на санях до места погребения. И это выражение приобрело значение «умереть; упасть; потерпеть жизненную катастрофу». Когда особенности древнего похоронного обряда окончательно забылись, то диалектное слово «копыл» было переосмыслено и заменено на созвучное: стали говорить «с копыт долой»³¹.

Интересно, что в речи образованных людей XIX в. проявилась такая метафора: садиться в повозку – умирать. Очевидно, это происходило под влиянием старинного выражения «сидя на санях», да и в соответствии с общеизвестными представлениями о смерти как отправлении в дальний путь. Например, в повести М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834, 1837) явившиеся загулявшему помещику бесы (в облике нескольких казаков и подъячего) так говорили о председателе уголовной палаты, который был известен как «сущий разбойник»: «...Мы все его приятели и ждём не дождемся радости, когда его высокородие к нам в гости пожалует». И далее: «Конечно, приехать-то приедет, а нечего сказать, тяжёл на подъём! Месяц тому назад совсем было ужв повозку садился, да раздумал». Когда же помещик на это воскликнул, что ведь месяц назад тот «при смерти был болен», ему поддакнули: «Вот то-то и есть, сударь! По этому-то самому резонту он было совсем и собрался в дорогу»³².

Уже в древней летописи говорилось, что у восточных славян было принято помещать прах умерших «на путях» – вдоль дорог. В более позднее время, как известно, при дорогах ставились деревянные либо каменные кресты и часовни, а сами дороги (и тем более их перекрёстки) представлялись местами, где могла являться «нечистая сила» – недаром там же обычно и гадали³³. У славян до сравнительно позднего времени около дороги хоронили самоубийц. В Полесье самоубийц и некрещёных детей погребали на перекрёстках или на обочине³⁴. Да и теперь, как уже отмечалось выше, существует обычай ставить на обочинах дорог поминальные кресты по типу надгробных и памятные знаки иной формы, отмечая места гибельных автомобильных аварий.

Сама же традиция хоронить покойных при дорогах, то есть по границам, возможно, связана с представлением о том, что умерший тем самым сможет защищать обитаемый людьми мир. Кроме того, находясь при границе, на окраине, мертвец всё же выпроваживался за обычные пределы человеческого обитания.

²⁹ Петрухин В. Я. Сани // СД-4. С. 541.

³⁰ Толстая С. М. Погребальный обряд // Там же. С. 87.

³¹ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. С. 339–340, 622.

³² Загоскин М. Н. Вечер на Хопре: отрывок из одного русского романа // Загоскин М. Н. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2: Комедии; проза; стихотворения; письма. С. 325–326.

³³ См.: Фрейман Н. Придорожная часовня – пережиток древнего «погребения на столбах на путях» // Советская этнография. 1936. № 3. С. 86–92; Святославский А. В., Трошин А. А. Крест в русской культуре: очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлехранилище, 2000. С. 72–75.

³⁴ Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. С. 443–445.

В прошлом эпитафии (и реальные, и беллетризованные, ставшие литературным жанром) тоже нередко были обращены к некоему «путнику», «прохожему». Они создавались в расчёте на то, что их прочтёт идущий мимо человек – как если бы могилы располагались при дорогах (собственно, так зачастую и бывало). Традиционный мотив древних надгробных надписей включал в себя обращение к прохожему: «*sta, viator!*» (латинское: «путник, стой!»), после чего уже говорилось о судьбе и достоинствах погребённого здесь. Так и у Марины Цветаевой в стихотворении «Идешь, на меня похожий...» (1913): «Я тоже *была*, прохожий! // Прохожий, остановись!» (курсив автора. – В. К.)³⁵. С другой стороны, кладбища действительно бывали местами сентиментальных и романтических прогулок – как у О. Э. Мандельштама в начале стихотворения, обращённого, кстати, к Цветаевой: «Не веря воскресенья чуду, // На кладбище гуляли мы» (1916)³⁶.

Дорога была связана и с мифологизированными образами болезней. Они, подобно смерти, приходили в обжитое пространство людей издалека – по дорогам. Многие болезни представлялись «напущенными», то есть внесёнными в наш мир колдунами и ведьмами. В записанном фольклористом-любителем М. И. Романовым (1886–1956) в Черевковском районе Архангельской области «заговоре от всяких детских болезней» перечислены такие пагубы: «...Уроки, // Здрогги, переполохи, // Дорожные уроки...»³⁷. Младенец мог заполучить сглаз («урок») в дороге или от тех злых сил, которые при ней обретались.

Интересный образ личностной детской мифологии был у писателя В. Г. Короленко (1853–1921), который в детстве, до 1866 г., жил в Житомире. Он вспоминал о находившейся неподалёку от его дома длинной и прямой улице, что вела в сторону кладбища. Она называлась «шоссе», и по ней часто «пробегали почтовые пары с подвязанными колокольчиками...». Тут же, на выезде из самой оживлённой части города, почтари отвязывали колокольчики. «Тогда дальше почта трогалась уже со звоном, который постепенно стихал, всё удаляясь и замирая, пока повозка, тоже всё уменьшаясь, не превращалась в маленькую точку». Улица же эта была такой: «...Перспектива её заканчивалась вдали купами зелени, свешивавшейся из-за заборов. С одной стороны это было “православное” кладбище, с другой – чей-то обывательский сад. Между этими пятнами зелени всё, что удалялось по шоссе за город, мелькало в последний раз и скрывалось в неизвестную и бесконечную даль... Мы с братом часто смотрели от угла нашего переулкa или с высоты забора, как исчезали в этой перспективе почтовые повозки, высокие еврейские балагулы, неуклюжие дилижансы, мужичьи телеги. И когда кого-нибудь хоронили, мы не могли уйти с угла до тех пор, пока похоронный кортеж достигал этой предельной точки. Тогда бесформенное пятно людской толпы как будто ещё раз развёртывалось яснее. Хоругви мелькали и наклонялись под воротами и ветвями дерев, выравнивался перпендикулярно катафалк, и всё это втягивалось в кладбищенскую ограду. Тогда мы знали, что “всё кончено”... Первые, наиболее яркие и глубокие впечатления дали связаны у меня с этой длинной перспективой шоссе, и, быть может, их глубине и некоторой мечтательности, которая и вообще сродна представлениям о дали, содействовала эта связь с похоронами и смертью...»³⁸

Опасности дальнего пути обострённо воспринимались человеком прошлого времени. Далёкая дорога грозила неизвестностью, там можно было и вовсе сгинуть. А гибель на чужбине казалась особенно страшной. Вятский статистик Н. Н. Романов, изучавший в 1870-х гг. быт и хозяйство разных народов Вятского края, писал о том, что вотяки (удмурты), в отличие от русских, боялись всяких дальних путешествий, у них вовсе не развивался извозный промысел:

³⁵ Цветаева М. И. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1: Стихотворения, 1908–1941; Поэмы; Драматические произведения. С. 44.

³⁶ Мандельштам О. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1973. № 74.

³⁷ Романов М. И. Ребёнок северной деревни в фольклоре и быте / публ. А. Н. Мартыновой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2006. Вып. 6 / отв. ред. Е. А. Костюхин. С. 99.

³⁸ Короленко В. Г. Собр. соч.: в 5 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 4: История моего современника. Кн. 1–2. С. 29–30.

«...Они не так легко могут приспособиться к чуждой для них обстановке, в чужих местах, как русские, которые чувствуют себя, как дома, за тысячу вёрст от родной деревни». Романов приводил такой пример: «Когда мне рассказывали в Елабужском уезде об извозном промысле крестьян и в то же время прибавляли, что извозом в дальние места занимаются только русские, я спрашивал, отчего же этим промыслом не занимаются и вотяки. Мне отвечали: “смерти боятся”. Снарядится русский в извоз, идёт по вотской деревне, видит его знакомый вотяк и говорит, обыкновенно, что-нибудь в роде следующей фразы: “куда, Семён, пошел – домой не придёшь”»³⁹.

Может быть, дело в том, что удмурты в те годы просто были, так сказать, более архаичны по своему мировосприятию? Им бывали ближе, понятнее те древние смыслы и ассоциации, которые оказались запечатлёнными в народной культуре. Ведь трудности и опасности – это постоянное, неотъемлемое свойство пути в мифологической картине мира архаических коллективов. Судя по фольклорным текстам, по мере движения героя происходило нарастание хаоса и ужаса. Правда и то, что персонаж, достигший-таки конца сказочного или заговорного пути, всегда имел иной статус, чем прежде, – более высокий⁴⁰.

---

³⁹ Краткие очерки уездов Вятской губернии / сост. Н. Романов. Вятка: Печатня А. А. Красовского, 1875. Вып. 1. Уезды: I Слободской, II Глазовский, III Сарапульский и IV Елабужский. С. 219.

⁴⁰ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 259–262.

Нечеловеческие тропы

Очень распространёнными были народные поверья о тропах и дорогах леших и прочей нечисти. По этим лесным дорожкам, дескать, время от времени проносились свадьбы леших, так что там лучше не останавливаться и не ночевать⁴¹.

Представления об опасных для человека путях инфернальных мифологических персонажей и мертвецов имелись не только у русских, но и у других народов.

Археолог М. Ф. Косарев, вспоминая известного археолога и этнографа Валерия Николаевича Чернецова (1905–1970), знатока западносибирских поверий и обычаев, писал о своем учителе так: «Его умение видеть сокровенное, проникать в “душу” вещей и явлений, сжимать и расширять пространство и время было воистину поразительно. Знаменитые чернецовские рассказы вечерами у таёжного костра буквально гипнотизировали слушателей, заставляя путешествовать вместе с ним по мирам Вселенной, общаться с духами, ощущать прошлое как зримую реальность». Затем Косарев приводил такой любопытный эпизод: «Отправляя в 1959 г. группу студентов проверить сведения о культовых пещерах на Северном Урале, он отозвал меня (руководителя группы) в сторону для частного напутствия. Между нами состоялся примерно следующий разговор:

– Будьте осторожны. Там где-то проходит тропа мёртвых. Если нечаянно наступите на неё, может случиться худое дело...

– Валерий Николаевич, а как я узнаю о ней, ведь она, наверное, невидима?

– Как только встретите людей, идущих с закрытыми лицами, сразу сворачивайте в сторону.

– А если не успеем?

– Могут увести с собою...»⁴²

Фигуры с закрытыми лицами – это мертвецы, идущие в «иной мир» по своей заповедной тропе, и горе тому, кто окажется у них на пути. Действительно, в древнерусском сказании «О человецех незнаемых в восточной стране» (предположительно, конца XV в.) о приполярных самоедах – жителях северо-востока Европы и Нижней Оби, – со ссылкой на рассказы «старых людей» говорилось: «Да в той же Самоеды видели, скажут самоедь же, старые люди, зъ горы подле моря, мертвых своих: идут плачущи множество их, а за ними идет велик человек, погоняя их палицею железною»⁴³. Иногда указывают: недаром и палица у этого проводника в «иной мир» железная. Ведь железо, в отличие от серебра и золота, у народов Западной Сибири ассоциировалось с загробным миром. Правда, сам мотив толпы умерших, которых великан гонит палицей, – книжного происхождения и, скорее всего, восходит к средневековой «Александрии». Во всём тексте сказания «О человецех незнаемых» заметны книжные мотивы⁴⁴. Поэтому едва ли этот отрывок является ценным этнографическим источником по

⁴¹ Коршунков В. А. Свадьбы леших и лешачьи тропы: мифологические особенности народной «культуры пути» // Сквозь границы: культурологический альманах / гл. ред. Н. И. Пospelова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. Вып. 5. С. 290–295.

⁴² Косарев М. Ф. О Валерии Николаевиче Чернецове – учёном и человеке // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова / отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Томск. гос. ун-т, 1995. С. 14. В более поздней своей статье о В. Н. Чернецове Косарев также привёл этот колоритный рассказ. Реплика Чернецова в позднейшем варианте – более развёрнутая: «Как только встретите людей в тёмном, с закрытыми лицами, идущих в северном направлении, сразу сворачивайте в сторону». Надо заметить, что, судя по свидетельствам Косарева, Чернецов вообще был склонен к шаманско-языческому мировосприятию, свойственному обским уграм (Косарев М. Ф. Валерий Николаевич Чернецов: учёный, человек, учитель (1905–1970) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова: сб. ст. / отв. ред. М. Ф. Косарев. М.: Изд-во «Таус», 2006. С. 6–16).

⁴³ Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. С. 57–58.

⁴⁴ Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. С. 62.

мифологии самоедов. Другое дело, что представления о «тропе мёртвых» у народов Западной Сибири вполне могли существовать. И как раз тут важны мысли и чувства этнографов-полеви-ков, пусть даже выраженные в такой, несколько экзотической, мистически окрашенной форме, как у Чернецова.

В рассказе И. С. Тургенева «Живые мощи» (1874), из цикла «Записки охотника», парализованная и ставшая почти святой крестьянка Лукерья как-то раз увидела запомнившийся ей сон: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана – как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня всё странники; идут они тихо, словно нехотя, все в одну сторону; лица у всех унылые и друг на дружку все очень похожи. И вижу я: вьётся, мечется между ними одна женщина, целой головой выше других, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто все другие от неё сторонятся; а она вдруг верть – да прямо ко мне. Остановилась и смотрит; а глаза у неё, как у сокола, жёлтые, большие и светлые-пресветлые. И спрашиваю я её: “Кто ты?” А она мне говорит: “Я смерть твоя”». В тот раз смерть не забрала Лукерью, сказала ей: «Жаль мне тебя, Лукерья, но взять я тебя с собою не могу»⁴⁵. Мёртвые, бредущие в дальний путь, да и сама рассказчица, снаряжённая как странница, готовая двинуться с ними, – это всё вполне типично для представлений о дороге в «иной мир».

А в рассказе Виктора Пелевина «Бубен верхнего мира» (1998) речь идёт о том, как две прагматичные современные девицы при помощи сибирской шаманки Тыймы вызвали на время из «верхнего мира» погибшего на Отечественной войне лётчика, думая, что это немец. Но явившийся лётчик заговорил по-русски.

«– Так вы что, – спросила Таня, – советский?»

– Да как сказать, – ответил майор Звягинцев, – был советский, а сейчас не знаю даже. У нас там всё иначе.

Он поднял глаза на Машу; та отчего-то смутилась и отвела глаза.

– А вот вы здесь к чему, девушки? – спросил он. – Ведь пути живых и мёртвых различны. Или не так?»⁴⁶

Похоже, майор Звягинцев, равно как и создавший его писатель, знают сибирско-шаманские способы взаимодействия с «иным миром».

М. Ф. Косарев, изучавший традиционное мировоззрение сибирских народов, приводил такие факты, указывающие на представления об «ином мире» и о пути в него. Покойника выносили не через дверь, а через окно или специально проделанное отверстие – в ту сторону, где находился «нижний мир», обычно на север или на запад. Двигались с кладбища, иногда спиной вперёд, и по новому пути, а не по старому следу. При этом шли не оглядываясь. Поперёк тропинки последний идущий человек клал палку либо проводил черту, символизирующую бездну или глубокую реку. А рядом, преграждая покойному путь обратно, клали камешки, то есть горы. «Во время похорон шаман или особый человек, знаток похоронного ритуала, обращался к покойнику (к его душе-тени, душе-призраку) с вежливой, но настойчивой просьбой идти “своим путём”». Ненцы говорили так: «Ты отправляйся в свою землю, иди своей дорогой и не приходи к нам». Нганасаны: «Хоть ты и близкий нам человек, но мёртвый ты. У нас своя дорога, у тебя своя. Иди своей дорогой, к нам не возвращайся». Энцы намечали вещами «мёртвую дорогу» и кричали: «Не приходи по нашей дороге, вон там твой путь»⁴⁷. Обобщая, Косарев отмечал: «Похоронные ритуалы, связанные с посмертным устройством души-

---

⁴⁵ Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 1: Записки охотника. С. 426.

⁴⁶ Пелевин В. Бубен верхнего мира // Проза новой России: в 4 т. / сост. Е. Шубина. М.: Вагриус, 2003. Т. 3. С. 104.

⁴⁷ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. С. 98, 101–102.

призрака, всячески подчеркивали, что у живых и мёртвых разные пути, которые не должны совпадать»⁴⁸.

Эти свидетельства – сибирские, однако у коренных народов Сибири они разве что отчётливее выражены. А вообще-то представления о том, что у живых и мёртвых пути должны быть различными, явно имелись и у других народов.

Крестьяне коми, потеряв свою скотину, писали «прошение» к «лесному царю», поскольку именно леший отвечал за пасшийся в лесу скот. Это «прошение» представляло из себя полуграмотный текст на берёсте. В нём могли быть такие слова: «Есть у вас ваша дорога своя, а крестьянская у нас особенная, куда лошадь пошли». Или так: «Дорога наша. Ежели вы добром не даёте, мы станем с вами ссориться»⁴⁹. А коми, живущие в низовье р. Оби, в наши дни рассказывают о снежном человеке, который почти неотличим от традиционного «лешака». У нового персонажа народной мифологии в лесу имеются свои «заколдованные» тропы, по которым людям ходить не следует. Если кто туда забредёт, то снежный человек станет его пугать, чтоб человек свернул с тропы⁵⁰.

Опасные звери, почитавшиеся людьми в качестве лесных «хозяев», тоже должны были проходить по своим собственным тропам в чащобе, не пересекая пути человеческие. Удмурты при случайной встрече в лесу с медведем низко ему кланялись, вставляли на колени и просили: «У тебя, большой человек, своя дорога, а у меня своя. Иди своей дорогой, а меня не тронь»⁵¹.

М. М. Пришвин в датированных 1907-м г. художественно-этнографических очерках из жизни русских обитателей одного из уголков европейского Севера – Выговского края, в главе «Полесники» воспроизвёл неожиданную встречу охотника-полесника с медведем. Охотник шёл, проверяя расставленные силки. «Нет ничего мудрёного, что с другого конца путика (лесной тропки. – В. К.) идёт Михайло Иванович и тоже собирает дичь. <...> Встретились лицом к лицу. Бежать назад нельзя, потому что медведь, узнав о трусости полесника, сейчас же догонит и задерёт. А медведь рассуждает совершенно так же: и рад бы бежать, но боится.

“Будь ты проклят, нечистая сила, ты мне сейчас не надобен, – думает мужик, – ни ружья, ни собаки нету”.

“Да и ты мне не надобен, – думает медведь, – а стану повёртываться, ты меня ихватишь”.

Так и стоят друг против друга: мужик у сосны, с топором, и против него – медведь на задних лапах.

Стучит мужик неистово топором по сосне, кричит во весь дух: “У, супостат, немытое рыло, уходи!” А медведь стоит на задних лапах, язык высунул – пена бежит изо рта, – хватает лапой пену и бросает в мужика. И долго стоят мужик и медведь, не хотят уступить друг другу дорогу, мужик до половины исколотит обухом сосну. Но бог покорила медведя человеку, он убегает»⁵².

Такие вот лесные «хозяева», вроде медведя, наделялись особыми свойствами, подобно мифологическим персонажам. Испуганный охотник ругал медведя как «нечистую силу».

⁴⁸ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. С. 98.

⁴⁹ Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми науч. центра УрО РАН, 1996. С. 69–70.

⁵⁰ Голубкова О. В. Снежный человек в легендах и быличках обских коми: новый образ «лесной нечисти» в современных социокультурных условиях // Сибирский сборник–4: грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой / отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 322–323.

⁵¹ См.: Загребин А. Удмуртская охота: к проблеме трансформации идеи и технологии // Финно-угроведение. 2004. № 1. С. 9.

⁵² Пришвин М. М. В краю непуганых птиц: очерки Выговского края // Пришвин М. М. Избранное. М.: Правда, 1977. С. 108. Интересно, что когда много лет спустя, в 1935 г. Пришвин побывал в другом месте Русского Севера – на Пинеге, то в его дневнике появились записи о путике медведя и путике человека (Его же. Дневники: 1932–1935. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2009. С. 733–735).

Дорогой пользовались люди, но на ней им также являлись опасные мифологические персонажи. У славян существовало представление, что дорога символически разделена на две части – правую и левую. Правая – для людей, а левая – для потусторонних существ и зверей. Полагали, что если при неожиданной, нежеланной встрече с таким существом (например, с волком) занять правую сторону, то противник перейдёт на левую. При встрече с ведьмой говорили: «Я иду своей дорогой, а ты ступай своей»⁵³. У коми-пермяков, народная культура которых близка русской, при упоминании лешего говорили: «Пусть не слушает тёплая хоромина, пусть по своей дорожке он ходит». А сам леший мог крикнуть человеку: «Всё, уходи, не мешай на дороге!», «Уйди в сторону, а то плохо будет!»⁵⁴

На Русском Севере во время традиционной крестьянской свадьбы звучали диалоги дружки со стороны невесты, в которых последовательно предлагались и тут же отвергались всевозможные пути и лазейки для жениха, который хотел проникнуть в дом невесты. В конце концов, договаривались о крылечных дверях, то есть о таком входе, которым шествуют почётные гости. Разные окольные дорожки упоминались также в свадебных причитаниях, исполнявшихся для свата или сватьи. Это «собачьи дыры», «кошачьи лазеечки», «тараканьи тропы», «заячьи тропиночки», «хоботы змеиные», «чужие огороды» и т. д. По словам Ю. А. Крашенинниковой, «перечень представителей животного мира (мышь, собака, таракан)... объясняется традиционными представлениями: мышь относится к нечистым животным, в приметах является предвестником смерти или несчастья, ей свойственна хтоническая символика, в народном сознании близка к гадам... таракан и собака в магических обрядах выступают в качестве посредников»⁵⁵. Иначе говоря, пролезающие в лазейки и шмыгающие по огородам твари – «нечистые», хтонические существа. Это так, но похоже, что в первую очередь здесь выражается противопоставление «животное – человек»: хоть жених и явился «издалека», но он – человек, а не «гад» и не зверь. Более того, он «князь», гость почётный – недаром в иных обрядовых диалогах свадьбы ему противопоставлена бабка-повитуха, которая знает «банные двери», да пастух, что знает «стайные двери» («стая» – это старинное диалектное обозначение хлева). В общем, в этих обрядовых текстах тоже заметно различие пути для почётного гостя – человека – и всяких звериных троп. У людей – своя дорога, у «нелюдей» – собственные тропки да лазейки.

В недавнее время М. В. Жуйкова по славянским лингвистическим материалам попыталась реконструировать традиционные представления о путях опасных мифологических персонажей⁵⁶.

Подобные верования сохраняются и развиваются и среди горожан. От туристов, спелеологов, альпинистов можно услышать множество легенд и быличек об особенных тропах и бродящих по ним мифологических «хозяевах». Вот один такой рассказ, в котором говорится примерно о начале 1970-х гг., то есть о времени, когда власти всё ещё пытались бороться со всяческими суевериями. Причём речь идёт о московских интеллигентах из знаменитого Физ-

⁵³ Левкиевская Е. Е. Дорога // СД-2. С. 128–129.

⁵⁴ Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. С. 128–129, 158–159.

⁵⁵ Крашенинникова Ю. А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры-заговоры) // ТК. 2009. № 1. С. 33–34.

⁵⁶ Жуйкова М. Происхождение выражения *туда и дорога!* и славянские народные представления о двух видах смерти // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 267–276. См. ещё: Её же. Заколдованный круг // ЖС. 2003. № 2. С. 16–19; Её же. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов. Луцьк: Волинський державний університет ім. Лесі Українки, 2007. С. 245–304. См. также уточнения С. М. Толстой: Толстая С. М. «На кривой не объедешь»: фразеологизмы в контексте культуры // ЖС. 2008. № 2. С. 54–55; Её же. Кривой // Толстая С. М. Пространство слова: лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 288–289. О выражении «туда и дорога!» см. также: Невская Л. Г., Николаева Т. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. Концепт пути в фольклорной картине мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998: докл. рос. делегации / отв. ред. О. В. Трубочёв. М.: Наука, 1998. С. 448.

теха: «Её родители были “физтехами” и увлекались водным туризмом. Её ещё совсем маленькой они брали с собой в походы. И говорили, что делают это потому, что она лучше взрослых чувствует невидимые тропы. На байдарке её всегда сажали на руль, потому что тогда они не попадали никогда на опасные места. А в лесу она безошибочно находила дорогу и никогда не плутала. Они рассказывали, что на лесном перепутье (это где две тропы пересекаются) иногда можно увидеть самого себя, идущего наперерез, по другой тропе. И это очень для человека опасно. Тот, кто появится, будет иметь твой облик и обязательно постарается с тобой заговорить. Самое главное – не ответить, не обернуться, пройти мимо. С ней один раз это произошло. Она как-то увидела, что шла по лесу девочка – такая, как она, и пыталась с ней заговорить. Но она прошла мимо и не ответила ей»⁵⁷. Ребёнок, который лучше взрослых чувствует подстерегающие на пути опасности, лесные дорожки и «перекрёстки» на них, явление призрака на таком лесном «перекрёстке» – всё это типичные мотивы современных рассказов. В них явны отголоски традиционных старинных поверий и быличек. Хотя, судя по всему, на них влияли также книжные представления: привидение в собственном облике того человека, что видит его, – это ведь и сюжет городских легенд. Такое рассказывали, например, про монархов, и это бывало знаком их скорой кончины.

---

⁵⁷ ЛАА. Зап. в 2007 г. от И. А. Василевской (1970 г. р.), уроженки и жительницы г. Кирова (Вятки), с отсылкой к детским воспоминаниям москвички А. Чижовой.

Дорожные грёзы

Человек, находившийся в пути, и ощущал-то себя не так, как в обычной для него, привычной обстановке своего дома или родной деревни.

На остановке в тамбовском имении своих знакомых, по пути из Москвы в Астрахань, И. С. Аксаков 8 января 1844 г. записал в своём дневнике о том, каково в дороге зимою. Отправляешься с очередной ямской станции, и разговор с попутчиком поначалу идёт живо. «Но до новой станции долго, колокольчик так однозвучен, вид так однообразен, всюду белая равнина, сливающаяся с серым горизонтом, – что разговор мало-помалу прерывается, наконец пресекается совсем и каждый задумывается Бог знает о чём. Всякая дума становится неопределённой и неясной, в голове мелькают смешанные образы, сначала те, которые ближе к сердцу, потом, по какому-то, часто чудному сближению, за ними выходят и другие... И как-то привольно это состояние, это пребывание в переливе мыслей и образов. И это забвение, эти сновидения наяву так отрадны, что, кажется, всё бы тонул в них глубже и глубже, и эти минуты вознаграждают за претерпеваемые физические неприятности»⁵⁸.

А его отец, С. Т. Аксаков, в автобиографической книге о своём детстве «Детские годы Багрова-внука» (1857) писал: «Дорога – удивительное дело! Её могущество непреодолимо, успокоительно и целительно. Отрывая вдруг человека от окружающей его среды, всё равно, любезной ему или даже неприятной, от постоянно развлекающей его множеством предметов, постоянно текущей разнообразной действительности, она сосредоточивает его мысли и чувства в тесный мир дорожного экипажа, устремляет его внимание сначала на самого себя, потом на воспоминание прошедшего и, наконец, на мечты и надежды – в будущем; и всё это делается ясностью и спокойствием, без всякой суеты и торопливости»⁵⁹.

Лаврецкий, герой романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859), возвратившись в родные края из-за границы, где он провёл несколько лет, ехал в тарантасе в своё имение, меланхолично поглядывал по сторонам. «...Вся эта, давно им невиданная, русская картина навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила грудь его каким-то приятным давлением. Мысли его медленно бродили; очертания их были так же неясны и смутны, как очертания тех высоких, тоже как будто бы бродивших, тучек». Потом он решил поспать. «Заснуть он не мог, но погрузился в дремотное дорожное онемение. Образы прошедшего по-прежнему, не спеша, поднимались, всплывали в его душе, мешаясь и путаясь с другими представлениями. Лаврецкий, бог знает почему, стал думать о Роберте Пиле... о французской истории... о том, как бы он выиграл сражение, если бон был генералом; ему чудились выстрелы и крики... Голова его скользила набок, он открывал глаза... Те же поля, те же степные виды; стёртые подковы пристяжных попеременно сверкают сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, жёлтая, с красными ластовицами, надувается от ветра...»⁶⁰

В общем, это не настоящий сон – разве что лёгкая дремота. И навеваются дорожные грёзы.

В одном из ранних рассказов Л. Н. Толстого – «Метель» (1856) – подробное описание кружений вьюжной ночью в ямщицких санях по заснеженной степи. Основой рассказа стало реальное происшествие, случившееся с Толстым 24 января 1854 г. в донских степях. Герой рассказа, офицер, долгое время не отдохавший во время дальнего пути, то дремал, то просы-

⁵⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Рус. книга, 2003. Т. 1: Письма 1838-1849 гг. С. 33.

⁵⁹ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники // Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 326.

⁶⁰ Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 2: Рудин. Дворянское гнездо. С. 198, 199.

пался, то впадал в странное забытьё и, наконец, свыкнувшись с мыслью об опасности замёрзнуть и погибнуть, крепко заснул. «Воспоминания и представления с усиленной быстротой сменялись в воображении», – писал Толстой⁶¹.

В начале лета 1879 г. приговорённый к ссылке В. Г. Короленко ехал с наёмным ямщиком из Костромы в Вятку. «Помолчали. Выехали из волоки (леса. – В. К.), полем поехали. Ямщик думал; я тоже; вслушивался в звон колокольчика да ещё всегда, когда приходится на лошадах ночью ехать, мне всё сзади голоса какие-то смутные слышатся. Всё кто-то говорит, будто, – несколько голосов, далеко, далеко – сзади в сумраке. И такое знакомое что-то хорошее, да не разберёшь – что. И слушаешь, слушаешь, а тут и картины пойдут одна за другой, лица знакомые, дорогие люди, что осталось там сзади по разным местам, далеко. И не сплю я ночью в дороге от этого»⁶².

Родившийся в 1852 г. прозаик Д. Н. Мамин-Сибиряк, детство которого прошло на Урале, вспоминая те годы, писал: «Есть неизъяснимая прелесть в простой русской гужевой езде, несмотря на все присущие ей недостатки. . . < . . . > Неудобства как-то забываются, а остаются воспоминания лучшие. . . » И добавлял: «Я лично особенно люблю зимние поездки в открытой сибирской кошёвке, только не по открытым степным местам, а горами и лесом, где картины чередуются одна за другой, как в панораме». На малопроезжей зимней дороге по лесистым горам – «дремучие ельники», «саженный снег», «синеющая даль»: «В таком лесу зимой какая-то особенно торжественная тишина, как в пустой церкви. < . . . > И хорошо, и жутко, и хочется ехать по этой лесной пустыне без конца, отдаваясь специально дорожным думам»⁶³. Встречаются у Мамин-Сибиряка выражения несколько неуклюжие, но суть схвачена: тишина и покой на зимней дороге, её убаюкивающая, навевающая грёзы власть – и всплывающие у путника особенные, дорожные думы.

В одной из заметок некрасовского журнала «Современник» за 1864 г. можно было прочесть: «Впрочем, когда едешь хорошенько закутанный, то и зимой выходит иногда хорошо. Ноги не коченеют; в теле не чувствуется никакой неприятной боли; уединение сообщает мыслям сосредоточенность; пение ветра, проходя через поднятый воротник шубы, утрачивает свои резкие, визгливые тоны; медленное плавание повозки по пушистым сугробам разнеживает и ниспосылает на душу благодатные мечтания. Бог знает, об чём тут не припомнишь, об чём не передумаешь, в какие уголки видимого и невидимого мира не заглянешь. И, что всего лучше, исполняешь всё это без всякой системы, переходишь от одного предмета к другому бессвязно, отрывочно. Эта отрывочность, это, так сказать, мление мысли есть самое драгоценное и любезное её качество. Не знаю, знакомы ли с ним люди хутородные, осуждённые на вечные телесные упражнения, но людям рождения деликатного и притом досужим оно известно в совершенстве»⁶⁴. Финал тут явно ироничен, как разв стиле народолобивого журнала. . .

Дорожные грёзы, «мление мысли» – это, говоря по-нынешнему, своеобразный медитативный транс (разумеется, в психологическом, а не в обыденном смысле). Такой транс похожа дремотное, предсонное состояние. Тем более что на мягкой дороге усталые путешественники обычно и задрёмывали. Да и мелькание перед глазами однообразных предметов (например, древесных стволов) производит тот же эффект. И. С. Аксаков – человек тонко чувствующий и впечатлительный, образованный и культурный – ценил такие мысли, чувства и образы, эти дорожные думы: «Вечно вращаясь в кругу скучной и пошлой действительности, я, по воспоминанию, чувствовал потребность в таких ощущениях, которые очищают душу. О, если бы

⁶¹ Толстой Л. Н. Метель: рассказ (1856) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Сер. 1: Произведения. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. Т. 3: Произведения 1852–1856 гг. С. 128.

⁶² Короленко В. Г. Записная книжка. 1879. Горький: Краевое изд-во, 1933. С. 93.

⁶³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далёкого прошлого: воспоминания // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8: Рассказы, очерки, легенды. Путевые заметки, статьи, воспоминания. Избранные письма. 1870–1912. С. 521.

⁶⁴ Наша общественная жизнь // Современник. 1864. Т. 100. Ч. 1–2 (Янв. – февр.). Отд. 2. С. 203–204.

у меня было в это время всё легко на сердце!..»⁶⁵ Однако же чаще дорожные впечатления и ощущения бывали не столь приятными.

Поэт П. А. Вяземский уже пожилым человеком, в 1860-х гг., в стихотворении «Дорогою» писал, что прежде, в давние годы, ему даже нравилось лететь по зимней дороге: «Тут коляски лёгкой качкой // Разыграется мечта...» Мечта эта поэтическая – наперегонки с повозкой мчатся рифмы⁶⁶. Недаром Вяземский так много написал о российских дорогах.

Ну, а в более раннем стихотворении «Кибитка» (1828) он судил о зимней езде хоть и не без улыбки, но всё же как о злключении: «Нет, нет, путь зимний не по мне: // Мороз, ухабы, выюги, снега».

Даже дремота в кибитке на зимней дороге навевает кошмары:

Дремота липнет ли к реснице,
Твой сон – горячки бред шальной:
То обопрётся домовой
На грудь железной рукавицей;

То хочешь ты без крыл лететь,
То падаешь в пучину с моста,
То вдруг невиданного роста
Идёт здороваться медведь...⁶⁷

Ещё одно стихотворение Вяземского, «Дорожная дума» (1830), уже без иронии, оно серьёзно и грустно. Это стихотворение сходно со многими иными стихами других русских авторов – немало подобных строк в нашей литературе.

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простёртый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.
И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, –
Будто роздых бытия!
И не выразить изустно,
Чем так смутно полон я⁶⁸.

---

⁶⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах... Т. 1. С. 33.

⁶⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 389.

⁶⁷ Вяземский П. А. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 214–215.

⁶⁸ Вяземский П. А. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 225.

О дорожных дремотных мыслях и самоуглублённых грёзах у Вяземского имеется также стихотворение с названием «Ещё дорожная дума» (1841): «...Обратным оком // В себя я тайно погружён, // И в этом мире одиноком // Я заперся со всех сторон»⁶⁹.

Вот пример таких дорожных грёз, когда отчего-то накатывает тоска-печаль. Писатель и публицист В. А. Слепцов (1836–1878) совершил путешествие (пешком и на попутных подводах) из Москвы по печально знаменитой дороге Владимирке во Владимирскую губернию. Сразу же вслед за тем, в 1861 г., он опубликовал свои очерки. «Часу во 2-м пополудни купил я сайку у Рогожской заставы и пошёл по Владимирскому шоссе. День был ясный, сухой и холодный» – так вот запросто начинается он повествование⁷⁰. Дело происходило осенью 1860 г.

Путнику было как-то не по себе на пустынном шоссе. Подступила дорожная тоска, обострённо ощущалось одиночество. И в самом начале своих очерков Слепцов поместил выразительное описание этой неясной дорожной тоски.

«Тут только стал я замечать, что я один. Это чувство одиночества удивительно странное чувство. После я к нему привык, но сначала оно мне показалось как-то очень ново, и даже тяжело стало. Одиночество среди белого дня, на большой дороге, – это вовсе не то, что одиночество в комнате или в лесу.

Дорога – это такая вещь, которую всегда себе представляешь с людьми и лошадьми; дорогу всегда видишь только в дороге, а потому когда смотришь на неё из экипажа, так всё и хочется поскорее её проехать, чтобы её оставалось как можно меньше; и видишь, как она бежит всё назад и назад, и чем скорее едешь, тем легче становится. Сидя в экипаже, особенно во время скорой езды, не чувствуешь почти этого тяжёлого, подавляющего влияния, которое производит большая дорога, и особенно шоссе, на пешехода, и притом одинокого пешехода; когда ни спереди, ни сзади не видишь ни души. Пока ещё идёшь и думаешь о разных разностях, а ветер однообразно шумит в ушах, тупо смотришь вдаль и считаешь себе бессознательно телеграфные столбы, ещё всё ничего: и не заметишь, как пройдёшь версту; но когда остановишься и посмотришь назад, а потом опять вперёд, удивительно странное чувство вдруг охватит душу. Особенно поразит эта необъятность кругом и над головой, а ветер кажется такую грозною, поглощающей силой, что как будто исчезаешь перед ней. И сознаёшь только, что вот что-то движется и заливаает тебя, и какая-то невозможная для человека власть скрыта в этом движении. Идёт ветер громадною, неизмеримою массой, и ничем его не остановишь, и будто видишь даже это движение – мёртвое, окоченелое движение. А дорога лежит впереди скучная, бесприютная... и ей конца тоже не видно; и вдруг она до такой степени опротивеет, что просто бы не глядел на неё, тоска смертная нападёт, и нестерпимо захочется ехать и ехать, так бы вот скорее, скорее... а тут иди!»

И затем писал он про новые, не слишком привычные ещё для того времени придорожные звуки – про заунывный скулёж телеграфных проводов под осенним пронзительным ветром: «Ещё вот эта проволока, так решительно невыносима становится под конец. Никогда в жизни не слыхивал я такой адской музыки: бог знает, что за странные звуки издаёт она, особенно в ветреную погоду. То будто благовестят где-то очень далеко, то вдруг подымется визг, жужжание, точно пчёлы выются над головой, то загремит оркестр трубачей, шмель бьётся по стеклу, пение какое-то пронесется струёй, чей-то голос жалобно завоет, и всё в одном тоне, – диссонансу ни малейшего. А если приложиться ухом к столбу, – тут таких звуков наслушаешься, что передать невозможно: гром, колокола, пушки... чёрт знает что такое!»

Попутчик, вообще любой прохожий и проезжий, казался ему на подмосковной дороге желанным – ведь каждый мог избавить его от этих тягостных чувств: «Но все эти страхи, на первых порах так назойливо встречающие одинокого пешехода, как сон разлетаются всякий

---

⁶⁹ Вяземский П. А. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 272.

⁷⁰ Слепцов В. А. Владимирка и Клязьма // Слепцов В. А. Соч.: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 239.

раз, как только завидишь вдалеке по дороге чёрное пятнышко: медленно покачиваясь, плывёт и разрастается оно шире и шире, из круглого становится сначала продолговатым, а потом понемногу начинает вырастать на нём голова с ушами и дугою, и ужвидно, что это лошадь, а за лошадью ещё что-то мелькает, – должно быть, баба: так и есть – поп»⁷¹. Заключительная шуточка могла бы стать эпиграфом к уже опубликованному исследованию В. Ю. Макаровой о том, кем всё-таки является поп – мужиком или бабой⁷²

---

⁷¹ Слепцов В. А. Владимирка и Клязьма // Слепцов В. А. Соч.: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 240–241.

⁷² Макарова В. Ю. Поп – мужик или баба? // АБ – 60: сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина / ред.: Н. Б. Вахтин и Г. А. Левинтон при участии В. Б. Колосовой и А. М. Пиир. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2007. (Studia Ethnologica: тр. факультета этнологии. Вып. 4). С. 421–434.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.